
ЗАПРУДСКИЙ Юрий Григорьевич — доцент кафедры политологии философского факультета Ростовского госуниверситета. В нашем журнале публикуется впервые.

В древних религиозных иносказаниях политическая жизнь общества уподоблялась вечно бушующему, беспокойному морю, пребывающему в состоянии постоянного волнения. Однако не только в политике, но и в общественной жизни многое напоминает морскую стихию. Одним из факторов воспроизводящегося беспокойства в море социальных взаимоотношений являются возникающие между людьми конфликты. Их всевозможные проявления давно стали предметом особого интереса, разносторонних научных исследований. Среди множества возникающих при этом проблем самостоятельное значение имеют те, что связаны с внутренним процессом развития конфликтных отношений.

Пытаясь заглянуть внутрь конфликта, надо помнить, что жизнь не состоит из одних конфликтов. В ней противоборство столь же часто встречается, как и согласие. В этом смысле жизнь едина в своей непрерывности. В ней всегда переливаются состояния покоя, мира, согласия и борьбы, противодействия, конфликта. Всякая попытка представить конфликт как нечто самостоятельное может лишь условно отражать действительность, ибо в этом случае приходится искусственно отсекать в нем и рядом с ним существующее согласие. Однако теоретически это вполне допустимая процедура.

Чем отличаются отношения людей, находящихся в конфликте, от социальных отношений согласия и единства? Конечно, прежде всего, это наличие, как верно замечали американские исследователи Р. Макк и Р. Снайдер, как минимум двух сторон, отношения между которыми возникают на базе какого-либо дефицита и построены таким образом, что стороны стремятся к получению выгоды за счет друг друга, и их действия направлены на достижение несовместимых и взаимоисключающих целей. Это глубокое замечание мало что говорит о специфике самих отношений, которые складываются внутри конфликта и характеризуют особое течение происходящих там событий. Каждый конфликт неповторим, а значит, неповторимы и отношения людей в процессе его развития, однако можно все-таки обнаружить некоторые специфические признаки, свойственные конфликтным отношениям как таковым.

Во-первых, конфликт делает социальные отношения более мобильными. Течение социальной жизни в условиях согласия, существующего между основными слоями и силами общества, разворачивается равномерно, медленно, как бы нехотя. Время, кажется, теряет свою власть над событиями жизни, но стоит разразиться конфликту, как все приходит в движение. Привычные нормы поведения и деятельности, годами удовлетворявшие людей, отбрасываются с удивительной решимостью и без всякого сожаления. Под ударами конфликтов все общество может преобразиться как природа после грозы, но может и приобрести вид дымящихся развалин. Чем сильнее социальный конфликт, тем заметнее его влияние на течение социальных процессов и темпы их осуществления.

Во-вторых, при всем разнообразии конфликтных ситуаций поведение людей в них отличается от обычной обстановки повышенной долей эмоциональности. Даже наиболее рассудительные люди в ситуации конфликта руководствуются в большей мере эмоциональными соображениями. Эту особенность нельзя абсолютизировать,

ибо в поведении человека присутствует и рассудочная сторона; люди умеют скрывать свои подлинные чувства.

В-третьих, сама рациональность поведения человека в конфликте обладает некоторыми отличительными чертами. Для нее характерна большая, чем в обычных условиях, избирательность. Состояние беспокойства, испытываемое человеком в зоне социального конфликта настраивает его сознание на поиск социальной опоры в предстоящем столкновении. Разум как бы метит, порой и произвольно, окружающих его людей на потенциальных сторонников и противников, ищет союзников в начавшемся размежевании людей.

Все эти характерные особенности проявления конфликтных отношений могут служить общими признаками конфликта, но еще недостаточно говорят о содержании происходящих в конфликте социальных процессов. По этим признакам можно более объективно засвидетельствовать сам факт конфликта, но ответить с достаточной полнотой на вопрос о том, что именно происходит с социальными отношениями в зоне конфликта еще нельзя.

В социальных конфликтах получают более открытое выражение потребности, интересы, устремления людей, а также причины социальной неудовлетворенности или протеста, что в спокойной обстановке скрыто за привычными нормами поведения и деятельности. В состоянии конфликта люди более четко осознают как свои, так и противостоящие им интересы, полнее выявляют существование объективных проблем и противоречий общественного развития. Нередко это связано с началом процесса социальной дифференциации, который сопровождается изменением и разрушением прежних социальных структур.

Под воздействием конфликта процесс социальной дифференциации развивается во взаимопротивоположных направлениях. Если воспользоваться аналогией, то можно сравнить этот процесс с делением живой клетки. Вначале движение направлено на растягивание единого центра, на образование противоположных полюсов, притягивающих к себе отдельные элементы прежнего единства. В конфликте происходит поляризация противоборствующих сил, но вместе с этим идет и прямо противоположный процесс, а именно, процесс интеграции, объединения распавшихся частей прежнего единства вокруг вновь возникающих центров. Создаются условия и возникают предпосылки нового единства, нового объединения, способного действовать в конфликте как самостоятельное целое.

Конечно, в реальной действительности этот процесс выглядит не всегда столь однозначно. В социальном конфликте могут противостоять друг другу не две и не три, а гораздо больше сторон, границы разделяющих их фронтов могут выглядеть недостаточно четко, а начавшееся размежевание не обязательно завершится образованием самостоятельных социальных единиц. Однако основные характеристики конфликтных событий описываются с помощью простой схемы двустороннего процесса достаточно исчерпывающим образом. Причем процесс поляризации социальных сил в конфликте оказывается настолько сильным, что втягивает в сферу своего влияния даже тех лиц, которые хотели бы остаться вне его рамок, оказаться вне как противоборства, так и нового социального единства. Интересно в этой связи отметить, что люди с большей терпимостью относятся к своим противникам, находящимся в противоположном лагере, а также к тем, кто открыто перешел на другую сторону, чем к противникам в своих собственных рядах, к людям, высказывающим соображения или действующим вопреки внутренним объединительным факторам.

Взаимосвязь казалось бы исключаящих друг друга процессов социальной дезинтеграции и интеграции может разворачиваться во времени исключительно долго, сопровождая жизнь не одного, а нескольких поколений. При этом каждый из них по своему окрашивает общественную жизнь, привнося в нее определенные особенности. Так, социальные процессы развития советского общества с 1917 года можно правильно понять только в том случае, если учитывать, что в целом это развитие

отражает особенности социальных взаимоотношений, характерных для одной из сторон конфликта. Можно сказать, что все годы советской власти страна жила по законам развития стороны конфликта: преобладание центростремительных тенденций в общественном развитии, нетерпимость ко всему, что ослабляет монополию единства, огосударствление и идеологизация всех сторон жизни общества, постоянная готовность к прямому противоборству с реальным или мнимым противником.

Важным моментом исследования внутренних особенностей социальных отношений конфликта выступает проблема действующих лиц и исполнителей конфликтных отношений. Наряду с понятием «сторона конфликта» сюда могут быть отнесены и такие понятия, как «участник», «субъект» и «посредник» социальных отношений конфликта.

Прежде всего не следует отождествлять участников и субъектов социальных конфликтов, ибо это ведет к большой путанице в понимании происходящих в конфликте процессов. Участником конфликта может быть любой человек, а также организация или группа лиц, которые принимают в нем участие, не обязательно отдавая себе отчет в целях и задачах конфликтного противостояния. Участником конфликта может оказаться стороннее лицо, случайно оказавшееся в зоне конфликта и не имеющее в нем собственного интереса. Кроме того, участник конфликта может совершенно не иметь возможности каким-то образом влиять на ход его развития, чего, кстати, никак нельзя сказать о субъекте социального конфликта.

Субъектом социального конфликта следует считать ту личность, организацию или общественную группу, которая способна создавать конфликтную ситуацию, т.е. прочно и относительно самостоятельно влиять на ход конфликта в соответствии со своими интересами, оказывать влияние на поведение и положение других, вызывать важные изменения в социальных отношениях.

Можно, к примеру, с уверенностью сказать, что в большинстве социальных и так называемых национальных конфликтов первых лет перестройки их субъектами выступали исключительно представители государственных структур власти.

Важная роль в развитии конфликтных отношений принадлежит посредникам, функции которых с успехом могут выполнять как организации, так и частные лица. В социальных конфликтах крупного масштаба или имеющих важное политическое значение роль третейского судьи, как правило, играет государство. Стороны, принимающие участие в конфликте, охотно идут навстречу государственным организациям по целому ряду причин:

- 1) Правительственные учреждения располагают материальными благами, имеющими большое значение в жизни людей, и целевое использование этих благ может существенно влиять на течение конфликта вплоть до его существенного ограничения или полного прекращения;
- 2) Государственные организации имеют законные возможности применять насилие: экономические санкции, политическое преследование, административное воздействие или даже вооруженную силу;
- 3) Правительство концентрирует в своих руках преимущественную долю социальной информации. Объективно оно, оказывается, гораздо лучше осведомлено о фактическом положении дел, ставших причиной социального конфликта, и может эффективно распорядиться этой информацией, призывая стороны конфликта к мирному обсуждению волнующих проблем, тем более, что средства массовой информации преимущественно тоже государственные;
- 4) Кроме компетентности, третейские возможности правительства опираются на прочные традиции авторитета законной власти, традиции послушания и гражданского повиновения;
- 5) Правительство везде признается необходимым институтом, подчинение которому рассматривается как вполне нормальное явление и не вызывает затаенных чувств мести и реванша, как это бывает в случае вынужденного подчинения победителю, оказавшемуся более сильным и удачливым в данном противостоянии.

Посреднические функции в конфликте могут выполнять не только правительственные, но и любые другие учреждения, организации или отдельные лица. Опыт показывает, что удачно подобранный посредник может быстро урегулировать конфликт там, где без его усилий согласие между сторонами было бы вообще невозможно. Надо сказать, что очень часто речь посредника в сложных социальных конфликтах на Западе с успехом выполняют лауреаты Нобелевской премии. Эта практика наглядно демонстрирует те высокие требования, которые предъявляются к личности посредника. В идеале он должен обладать международным авторитетом, безупречной нравственностью, быть политически нейтральным и профессионально компетентным, обладать высоким интеллектом.

Посредник может выступать в качестве неофициального участника процесса, рекомендации и решения которого не носят обязательного характера для сторон, участвующих в конфликте, но и в этом случае посреднические усилия могут помочь достигнуть соглашения. Статус третьей стороны может иметь и другой, например, официальный характер. В этом случае можно говорить об арбитраже, причем, речь может идти о двух его разновидностях — когда приглашение его необходимо, а исполнение его решений необязательно, или наоборот, когда обращаться к нему необязательно, но в случае приглашения подчинение ему необходимо.

Результаты посредничества в социальном конфликте во многом зависят от позиции, которую занимает посредник, от его собственных интересов, а также от того, к каким средствам он прибегает, чтобы не допустить разрастания конфликта и его крайне негативных последствий. В выборе этих средств, правда, он не всегда достаточно свободен. В его распоряжении могут быть весьма ограниченные возможности противодействия начавшемуся конфликту. Однако, по крайней мере, два обстоятельства следовало бы учитывать практически в любой ситуации. Это, во-первых, возможную реакцию, какую могут вызвать те или иные из предпринимаемых мер со стороны как непосредственных участников конфликта, так и сил, соблюдающих временный нейтралитет. И, во-вторых, устойчивые нормы морали, привычки и обычаи, господствующие в конкретной социальной среде и регулирующие поведение людей как в спокойной обстановке, так и в моменты конфликтов. Целесообразно считаться с реальными возможностями, конкретной ситуацией и общественным мнением. Следует избегать средств как крайне слабых, так и крайне сильных по своему воздействию. Наиболее плодотворными чаще всего оказываются средства, основанные на умеренной реакции.

Исследование особенностей протекания социальных конфликтов в исторических, национальных, политических условиях отдельных стран приводит к выводу о существовании тесной зависимости между общим состоянием социальной конфликтности и культурным наследием, историческими традициями народного развития. Форма и содержание происходящих внутри конфликта процессов во многом зависят от уровня исторического развития народа, конкретных социальных и политических условий общественной жизни. В этой связи вполне уместно говорить о самобытных особенностях российской конфликтности, о восприятии конфликтной ситуации русским человеком и представителями тех народов, историческая судьба которых тесно связана с Россией. Кроме правомерности, такая постановка еще и весьма актуальна в условиях, когда страна втягивается в новую полосу исторического развития, где социальные конфликты будут частым спутником общественной жизни.

Русская история с самого начала испытала сильные и противоречивые внешние воздействия, а также имела свои собственные предпосылки, условия, истоки развития. К последним можно отнести необъятные просторы, выпавшие на долю русского народа и оказавшие непосредственное влияние на формирование у русских особого отношения к социальным конфликтам вообще и к содержанию поведения в них, в частности.

Знакомство с русской историей убеждает, что наиболее типичной картиной поведения в возникающей ситуации конфликта было в некотором роде прежде-

временное бегство одной из сторон, стремление ее уклониться от начала или пребывания в конфликте задолго до полного поражения или исчерпания всех потенциальных возможностей. Как правило, многочисленные социальные столкновения в истории нашей страны заканчивались весьма оригинальной ситуацией, когда возникший конфликт не завершался типичным, скажем, для западных стран переговорным процессом и последующим сосуществованием победившей и побежденной сторон, а фактически растворялся в бесконечных просторах России. Огромные и относительно свободные пространства нашей страны позволяли той или иной из конфликтующих сторон просто уклоняться от социального конфликта путем физического перемещения по территории. В значительной мере отсюда известно долготерпение русского характера, его податливость к насилию, его стремление как можно дольше уклоняться от прямого столкновения. Кстати, эта национальная особенность уходить от конфликта неоднократно воспринималась недалевидными и враждебно настроенными по отношению к России политиками как слабость русского общества, как возможность в случае войны с Россией быстро овладеть легкой добычей. Нужно время, чтобы русский человек по-настоящему, без оглядки, в полную силу вступил в конфликт. Народная мудрость закрепила эту особенность в многочисленных поговорках типа: «Русские долго запрягают, но быстро едут», а также путем сохранения в народной памяти исторических ситуаций предельного направления: «Велика Россия, а отступать некуда. Позади Москва!»

У русского народа исторически еще не сформировались традиции длительного пребывания в состоянии конфликта, порождающего отношение к нему как к социальной норме. Атмосфера конфликта непривычна для русской души. В Европе и других странах, где история приучила людей к пребыванию в состоянии перманентного конфликта, у населения сформировались устойчивые особенности индивидуализма в качестве реакции на необходимость сохранить себя в постоянном поле конфликтного напряжения. В отличие от них, русский характер еще живет грезами братского единства, доверчивости, всеобщей любви, которые и по сей день питают идеи соборности, мессианства, особой роли и предназначения России к спасительному объединению всех народов во имя всеобщего мира и согласия на земле.

Другая особенность российской конфликтности тесно связана с элементами византийского влияния на ее историю. После гибели Византии повисшие было в воздухе традиции и атрибуты государственности восточной Римской империи нашли подходящую почву в единой Руси. Россия переняла не только элементы внешней атрибутики государственной власти, но и ряд важных содержательных особенностей общего состояния государства. С этого времени берет свое начало российское самодержавие как устойчивая форма государственности с сильными признаками централизованной власти. Первым действительным самодержцем на Руси стал Иван Васильевич (1440—1505), самодержавные устремления которого особенно усилились после брака с Софьей и прочно утвердились во всей последующей истории русского народа. Самодержавное строение государственной власти оказало значительное влияние на состояние социальной конфликтности российского общества. Если прежде возникавшие социальные конфликты проходили, так сказать, без постороннего влияния или с незначительными внешними помехами, то со времени возникновения и упрочения единого государства оно всегда оказывается сам-третий во всяком крупном социальном конфликте. В последующем, когда централизованное государство прочно обросло представительными институтами на местах, государственный интерес стал постоянно присутствовать на любом провинциальном уровне существования конфликта. «Вот придет барин, барин все рассудит» — устойчивый стереотип российского сознания в конфликтной ситуации. В этой связи можно заметить, что огосударствление или чрезмерная политизация даже незначительного социального конфликта, как характерная черта периода советской власти в нашей стране, более вписывается в общую историческую традицию, чем фактическое самоустранение нынешнего российского руководства даже от крупных социальных и национальных

столкновений. Можно по-разному относиться к этому замечанию, но нельзя не видеть некоторой искусственности в поведении постперестроечного российского государства.

Наконец, и здесь византийское влияние также заметно, российская конфликтность со времени христианизации оказывается почти всегда заметно окрашенной идеологически. Все более или менее крупные конфликты у нас определенным образом идеологизированы. В борьбу, казалось бы, совершенно частных экономических, политических интересов почти всегда вплетается господствующая идеологическая парадигма. Вначале это православная идеология, которая присутствует не только в спорах по вопросам веры, но и во всех политических и крупных социальных конфликтах. Затем, в период воинствующего атеизма советского периода ее место занимает коммунистическая идеология, которая вообще стремится обосновать отсутствие основы для социальных конфликтов при социализме. Сильная идеологическая компонента также подтверждает вывод об отсутствии у россиян исторического опыта длительного пребывания в состоянии конфликта на основе свободного противостояния сторон, дополняя его отсутствием демократического опыта светского поведения в конфликте, который накоплен у большинства европейских народов. Русский характер не подвергся историческому калению в горнах конфликтного противостояния, освобожденного от сильных примесей государственного и идеологического влияния и от возможности уклониться от назревающего противоборства.

Как бы глубоко мы ни проникли в природу социальных отношений конфликта, как бы основательно ни исследовали вопрос о том, что происходит внутри социального конфликта, мы никогда не сможем с полной уверенностью сказать, как будут развиваться и чем закончатся конфликтные события в каждом конкретном случае. И дело здесь не в ограниченных способностях нашего разума, а в особой природе самого конфликта, в высокой степени хаотичности связанных с ним социальных явлений и принципиальной непредсказуемости случайных комбинаций социального взаимодействия. Это особенность социальной материи конфликта проявляется уже на стадии его зарождения.

Важным источником социальных конфликтов, всеобщей причиной их возникновения многие исследователи справедливо называют противоречия, существующие в социальных системах и сопровождающие процесс общественного развития. Однако, несмотря на то, что в совокупности разнообразных причин возникновения социальных конфликтов социальные противоречия действительно играют решающую роль, они не связаны с конфликтом напрямую, без всяких опосредующих звеньев. Противоречия обуславливают конфликты, но между ними и самим конфликтом находится своеобразное социальное состояние, которое можно было бы назвать предконфликтной ситуацией. Именно она непосредственно предшествует самому конфликту, по существу им еще не являясь, но уже развиваясь в него и в него перерастая, если не происходит объективных или субъективных событий, прерывающих этот процесс. Из таких ситуаций непосредственно вырастают социальные столкновения. Это предконфликтное состояние очень зыбко и неустойчиво. Даже незначительное, случайное событие в этих условиях может вызвать лавину необратимых процессов, прямо ведущих к открытому конфликту. Роль детонатора в этих условиях может сыграть любая провокация и уже нет возврата к состоянию, при котором еще можно избежать конфликта.

Начавшийся конфликт в процессе своего развития также весьма неоднороден. Социальные отношения в начале и в конце конфликта существенно отличаются, а между этими крайними точками — целая жизнь, сотканная из различных степеней активности, поворотов развития, особых фаз, этапов, периодов качественного изменения социальных взаимоотношений. В начальной стадии конфликта ближайшие его причины исчерпывающим образом содержатся в конфликтной ситуации. Собственное взаимодействие противостоящих сил не получило еще открытой формы

столкновения, а посему и не прибавило к конфликтной ситуации дополнительных импульсов вражды, неприязни, взаимного отчуждения. Начавшийся конфликт имеет тенденцию создавать дополнительные причины своего углубления и разрастания. И, если ему ничто не мешает, он начинает как бы питать сам себя, порождая все новые и новые основания дальнейшего развития.

Это хорошо видно на опыте возникновения и развития национальных конфликтов как наиболее полно проявившейся разновидности растущей конфликтности всего нашего общества. Анализируя национальные конфликты в разных регионах страны, можно придти к выводу, что устойчивая национальная рознь, стойкая неприязнь к представителям другой нации почти полностью отсутствовали как начальная причина возникновения очагов межнациональных столкновений с гибелью людей, сценами насилия и вандализма. Первые сообщения о жертвах национальных конфликтов буквально повергали в шок и оцепенение, которые затем сменялись ожиданием скорого и правого суда над виновниками насилия. Отсутствие адекватной реакции со стороны государства порождало глухое недовольство и стремление к самостоятельному возмездию. Конфликт разрастался. И вот здесь уже в дальнейший процесс национального противостояния включался собственно национальный момент. Оживали дремавшие доселе силы национального самосознания, всплывали исторические картины уязвленного когда-то национального самолюбия или гипертрофированного превосходства над представителями другого народа. Разрастающийся национальный конфликт уже не нуждался в особых поводах для схватки не на жизнь, а на смерть. Остановить такой конфликт с помощью стороннего вмешательства бывает уже невозможно.

Процесс саморазрастания конфликта длится до тех пор, пока не дадут себя знать первые ощутимые результаты противоборства. Эти результаты подвергаются определенному осмыслению субъектами конфликта, на их основе делаются некоторые выводы сравнительного характера (насколько конфликт развивается в соответствии с первоначальным представлением о возможностях с его помощью достигнуть желаемых целей) и здесь, можно сказать, заканчивается начальная стадия конфликта. Эта стадия, как и предконфликтная, представляет собой наиболее благоприятный момент вмешательства с целью преодоления начавшегося конфликта. На этой стадии ни одна из сторон конфликта не увязла в нем еще настолько, чтобы возврат к исходным позициям стал невозможен. Ни одна из сторон конфликта, с другой стороны, еще не ощутила близость желанной цели, ради которой она пошла на конфликт, но каждая уже столкнулась с сопротивлением противника и имела возможность осознать, что путь к победе будет не легким.

Кроме того, начало конфликта является периодом наибольших колебаний, неустойчивости, шатаний среди всех его действительных и потенциальных участников. Неслучайно, сторонники открытого конфликта так много внимания уделяют работе по поддержанию боевого духа именно в этот период, убеждая людей в том, что, уж если начал, надо идти до конца. Именно на этом этапе решительные действия, а для них само начало конфликта дает еще и подходящий повод, могут привести к успеху, к остановке открытого столкновения, к компромиссу противостоящих в конфликте интересов. Судя по всему, многочисленные упреки в адрес политического руководства, постоянно запаздывающего с принятием решительных мер по результатам национальных конфликтов, наиболее справедливы по отношению к начальному периоду их развития, когда действительно гораздо легче было добиться мира и согласия.

Более или менее удобные условия регулирования конфликтных отношений существуют не только в начальной стадии или на первом этапе конфликта. Такие условия можно обнаружить на каждом из этапов развития конфликтных отношений. Социальное движение в конфликте напоминает спирально закрученное движение материи, такие природные явления, как водовороты, вихри и т.п. Эта аналогия имеет большое значение в характеристике социального конфликта как процесса. Если

закрученную спираль конфликта представить себе линейно, то она будет выглядеть в виде волны, имеющей свои подъемы и падения. В реальном движении социальных отношений в конфликте действительно наблюдается постоянный рост напряжения, интенсивности, эмоциональности, который, доходя до определенной точки, как бы зависает в статическом состоянии, после которого начинается некоторый спад, снижение напряженности социальных отношений. Вполне допустимо рассматривать каждый этап конфликта в виде витка спирали, где есть свой пик напряженности и максимальное состояние затишья. Признание волнообразного движения социальных отношений конфликта дает возможность использовать средства регулирования конфликтных отношений в соответствии с тем, в какой стадии развития находится конфликт, что крайне важно с практической точки зрения.

Открытие волнообразного, циклического характера социального процесса в конфликте позволяет использовать в его анализе глубокие, но основательно забытые в нашем обществоведении идеи, высказанные в трудах Д. Вико, Н.Я. Данилевского, К.П. Леонтьева, О. Шпенглера, А.Д. Тойнби, П. Сорокина, А.А. Богданова, А.Л. Чижевского, Н.Д. Кондратьева и других выдающихся ученых прошлого. Вместе с тем, достаточно адекватно пульсирующие отношения конфликта могут быть описаны в категориях современной науки, такой, например, как синергетика, где в основе находятся законы самоорганизации развивающейся материи. Так, понятие флуктуации очень верно отражает неустойчивую, постоянно изменяющуюся природу социальной материи конфликта, а термин «бифуркация» как нельзя лучше характеризует обилие в отношениях конфликта таких моментов, когда к прежнему состоянию уже нет возврата, а ближайшее будущее характеризуется принципиальной непредсказуемостью развивающихся событий. Социальные взаимоотношения в конфликте — это открытая система, способная усваивать внешние воздействия и тонко реагировать на внутренние качественные изменения конфликтной ситуации. Именно посредством конфликта реализуется возможность спонтанного возникновения «порядка из хаоса», общее свойство случайно-закономерного движения общественной жизни.